

Жерлицына Н. А. Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830—1837 годах / Н. А. Жерлицына // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 357—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371.

Zherlitsina, N. A. (2021). Ottoman and British Factors in Anti-French Resistance of Beylik Constantine in 1830—1837. *Nauchnyi dialog*, 4: 357-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371

**Османский и
британский факторы
в антифранцузском
сопротивлении бейлика
Константины в 1830—
1837 годах**

Жерлицына Наталья Александровна
orcid.org/0000-0001-8647-9419
кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
ns_inafr@mail.ru

Институт Африки
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Ottoman and British Factors
in Anti-French Resistance
of Beylik Constantine
in 1830—1837**

Natalia A. Zherlitsina
orcid.org/0000-0001-8647-9419
PhD in History
Leading Researcher
ns_inafr@mail.ru

Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Жерлицына Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается малоизученный начальный период антиколониальной борьбы алжирского народа против французской оккупации. До 1830 года Алжирское регентство представляло собой полуавтономную провинцию Османской империи. Доказано, что в первые годы после захвата Францией духовные связи с бывшей метрополией оставались сильными и определяли стратегии сопротивления бывшей турецкой правящей верхушки в стране. Автор отмечает, что последний бей бейлика Константины, Ахмед, верный идеям османизма, в течение семи лет оказывал эффективное сопротивление попыткам французов утвердиться в этой алжирской провинции. В статье показано, что хотя атрибуты независимости Константины в эти годы указывали на ее арабский характер, но в основе Ахмед-бей сохранил турецкую концепцию государства. Сделан вывод о том, что законная власть, как и прежде, опиралась на санкцию турецкого султана — духовного и политического лидера Османской империи. Автор заключает, что Ахмед-бей потерпел поражение будучи лишённым поддержки союзера. Доказано, что ему не удалось заручиться и помощью Великобритании, которая хотя и противилась французскому экспансионизму, но не считала Алжир столь уж важным, чтобы вступить из-за него в конфликт с Францией.

Ключевые слова:

Алжир; Франция; Османская империя; Великобритания; Ахмед-бей; колониализм; антиколониальная борьба; французская колониальная идеология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The poorly studied initial period of the anti-colonial struggle of the Algerian people against the French occupation is considered. Until 1830, the Algerian Regency was a semi-autonomous province of the Ottoman Empire. It is proved that in the first years after the capture of France, spiritual ties with the former metropolis remained strong and determined the strategies of resistance of the former Turkish ruling elite in the country. The author notes that the last bey of Constantine's Beylik, Ahmed, loyal to the ideas of Ottomanism, for seven years effectively resisted the attempts of the French to establish themselves in this Algerian province. The article shows that although the attributes of Constantine's independence in those years indicated its Arab character, Ahmed Bey retained the Turkish concept of the state. It is concluded that the legal power, as before, relied on the sanction of the Turkish Sultan, the spiritual and political leader of the Ottoman Empire. The author concludes that Ahmed Bey was defeated without the support of his suzerain. It is proved that he did not manage to enlist the help of Great Britain, which, although opposed to French expansionism, did not consider Algeria so important to enter into a conflict with France because of it.

Key words:

Algeria; France; Ottoman Empire; Great Britain; Ahmed Bey; colonialism; anti-colonial struggle; French colonial ideology.

Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830—1837 годах

© Жерлицына Н. А., 2021

1. Введение

XIX век ознаменовался накалом соперничества европейских держав за колониальный раздел мира. Франция и Великобритания выступали как два наиболее важных актора и конкурента в данном процессе. В 1830 году Франция оккупировала Алжир, положив начало колонизации арабских стран. Перед тем как организовать военную экспедицию, дипломатия королевства предприняла шаги, чтобы заручиться поддержкой других европейских держав. Так, в целом положительно к планам Франции отнеслись Российская империя и Пруссия. Австрия, а еще более Великобритания выступали против французского начинания. Эти две империи настаивали на сохранении статуса-кво в отношении третьей стороны — Османской империи, формально считавшейся сюзереном африканских провинций, в том числе Алжира. Поэтому в первом десятилетии после захвата Алжира Франции пришлось столкнуться не только с сопротивлением местного населения, но и с попытками противодействия со стороны Османской империи и Великобритании.

При том, что антиколониальная борьба в Алжире хорошо изучена европейской, арабской и советской / российской наукой, основное внимание в работах на эту тему уделяется более поздним периодам освободительной борьбы алжирцев и определенным фигурам, например эмиру Абд аль-Кадиру, см. работы: [Видясова, 2019; Дьяков, 2014; Ланда, 2017; Alleg, 1981; Laugi, 2004]. Задачей данной статьи является освещение начального периода антифранцузского сопротивления в Алжире, связанного с именем османского правителя бейлика Константины Ахмед-бея. Источниками для этого исследования послужили воспоминания и переписка Ахмед-бея из опубликованных документов французских и арабских архивов.

2. Османский Алжир

К моменту завоевания Францией Алжир представлял собой полуавтономную провинцию Османской империи — регентство, пользующееся самоуправлением в международных делах, но сохранявшее преданность метрополии и турецкому султану как халифу правоверных. Алжир связывали с Высокой Портой как религиозные узы, так и правящая в провинции

элиты турецкого происхождения. В отличие от других африканских провинций Османской империи — Туниса, Триполи, где за несколько веков турецкая администрация смешалась с местной знатью и стала считать себя магрибинцами, в Алжире правящая турецкая администрация всячески противилась смешению с местным населением, браки турок с местными женщинами считались предосудительными. В результате это привело к отчуждению турецкой власти от населения страны.

Регентство под управлением избираемого турецкими янычарами дея состояло из четырех бейликов: Дар-эс-Султан располагался в г. Алжире и его окрестностях. Из бейликов Орана, Титтери и Константины последний был самым обширным, богатым и густонаселенным во всем регентстве. По различным оценкам, ко времени французского вторжения в Алжир в бейлике Константины проживало более 1 млн жителей, в столице г. Константине — около 80 тыс. человек [Mercier, 1891, p. 512]. Бейлик производил в изобилии пшеницу, ячмень, скот, воск, мед, оливковое масло, которыми торговал с внешним миром и особенно с французским Марселем через порт Бон. Константина была житницей всего регентства, именно здесь выращивалась большая часть продовольствия для снабжения Алжира. Отсюда поставлялась и древесина для военно-морской отрасли, — ведь известно, что корсарство вплоть до начала XIX века составляло основу экономики регентства.

Беи Константины, как и другие османские правители Алжира, испытывали традиционные трудности в интеграции подведомственных территорий, населенных свободолюбивыми арабскими и кабийскими племенами, и в сборе с них налогов. Многие племена отказывались платить налоги турецкой администрации и склонялись к повиновению только после того, как к ним применялась вооруженная сила. Так, в горной части Сахеля налоги не платились регулярно, здесь требовались войска для сбора налогов, и в южной части бейлика налоги можно было собирать только с помощью военной силы [Sessions, 2011, p. 84].

Дей Хусейн назначил Ахмед-бея правителем бейлика Константины в 1826 году. Последний происходил из местной знатной и богатой семьи: его дед по отцовской линии бей Ахмед аль Колли правил Константиной с 1756 по 1771 годы. Ахмед-бей слыл человеком справедливым, прямым и жестким. Так, уже в первый год своего правления он лично возглавил военную экспедицию по сбору налогов с подведомственных племен и, столкнувшись с сопротивлением, приказал убить 16 человек. У непокорного племени аль-Амапра реквизируют 15 600 овец, 1660 коров, 32 лошади и 11 верблюдов [Vayssettes, 1869, p. 592]. Хитрый дипломат и энергичный солдат, он умел манипулировать вождями арабских племен и энергично действовать оружием всякий раз, когда его авторитет подвергался сомнению.

3. Оккупация Алжира Францией в 1830 году

Когда в 1827 году начался конфликт дея Хусейна с Францией и морская блокада Алжира, дей поручил Ахмед-бею «укрепить порт Бон, который может подвергнуться нападению французов» (здесь и далее переводы выполнены нами. — *Н. Ж.*) [Emerit, 1949, p. 71]. Беспокойство дея вызывало только состояние побережья и порты регентства, так как до этого европейцы в своих угрозах Алжиру ограничивались бомбардировками побережья с военных кораблей. Так было в 1816 году во время англо-голландской экспедиции под командованием лорда Эксмута, и в 1824 году, когда Великобритания прислала эскадру в составе 22 судов. В своих воспоминаниях Ахмед-бей пишет, что в июне 1830 году, когда французский экспедиционный корпус высаживался на алжирское побережье, он, еще не зная о происходящем, во главе отряда в 400 кавалеристов прибыл в столицу регентства с ежегодной данью. Будучи непосредственно вовлеченным в события в столице, Ахмед-бей рассказывает, как окружение дея оценивало происходящее и как принимались решения о стратегии обороны регентства. Алжирцы до последнего не верили, что французы захотят оккупировать их страну, они считали, что все обойдется военной стычкой: «французы хотят поскорее закончить эту войну и вернуть свою армию в Европу. Эти бледнолицые мужчины, для которых климат этой страны опасен. Если война затянется, значит, мы одержим победу; с нашими противниками случится то, что случилось со всеми, кто пытался высаживаться здесь...» Власти Алжира не ожидали войны и не были к ней готовы: «не было подготовлено ни артиллерии, ни вооружений; было лишь около дюжины орудий, которые доставили только после объявления войны» [Emerit, 1949, p. 72].

Ахмед Бей, который был на поле боя, предложил дею Хусейну следующую стратегию: позволить французским войскам высадиться на побережье и продвинуться вглубь страны, чтобы затем схватить их в клешни между алжирскими войсками с целью разорвать связь с их десантными кораблями. Но алжирский дей предпочел тактику, предложенную его зятем Ибрагимом-агой, и алжирцы вязались в сражение на побережье с французской армией, превосходившей алжирскую современными вооружениями и опытом. Как следствие, г. Алжир капитулировал через двадцать дней после начала французского вторжения.

4. Бейлик Константины после французского вторжения

Ахмед-бей, как и многие другие, был поражен этим скоростижным крахом турецкого режима. В бою за г. Алжир он потерял 200 человек из своих 400, но когда его отряд уходил домой в Константину, к ним присоединились еще около 1600 беженцев [Laffont, 1980, p. 138]. С возвращени-

ем Ахмед-бея в Константину начался новый период его правления: падение столицы стало для него сигналом о полной независимости, предоставившей ему свободу действовать и владеть судьбой и положением бейлика. Административный гений Ахмед-бея получил выражение в целом ряде реформ, и прежде всего военной. Ловко воспользовавшись вспыхнувшей в бейлике во время французского вторжения смутой, Ахмед-бей избавился от янычар и турецкого ополчения, прежде навязываемых ему алжирским деем. Многие янычары были убиты или изгнаны. Бей реорганизовал армию по египетскому образцу, по успешному примеру своего могущественного соседа-реформатора Мухаммеда Али. В Константине были построены новые большие казармы и наняты постоянные силы, состоящие из 2 тыс. зуавов из племен кабилы и 1,5 тыс. арабских кавалеристов. «Я, — писал Ахмед-бей султану Махмуду II, — нанял новые войска и кавалерию, что стоило мне всего моего состояния» [Vayssettes, 1869, p. 604]. Таким образом, у него появилась боеспособная верная армия. Затем бей занялся укреплением оборонительных сооружений бейлика и ремонтом артиллерийского снаряжения.

В основе административной и налоговой реформ Ахмед-бея лежал отказ от сложной и запутанной османской системы, упрощение и упорядочение администрации бейлика и отмена некоторых налогов, вызывавших неприятие и возмущение населения. Оставаясь османским администратором, Ахмед-бей осознавал, что отныне должен опираться в своей власти на вождей арабских племен и поэтому поднял статус арабского языка — до этого языком государственной власти в Алжире был турецкий. Арабизированная «республика» утвердилась в бейлике Константины, она получила новые атрибуты независимого государства: титул паши для губернатора, чеканка собственной валюты, свой флаг — украшенный мечем Зульфикар с раздвоенным лезвием на красном фоне.

Константина чеканила собственные монеты из золота, серебра, бронзы и меди в 1830, 1831, 1832, 1834 и 1837 годах, они были произведены по типу османских: на аверсе было написано имя султана Махмуда II, а на оборотной стороне — дата и место чеканки — Константина. Первый удар по ценности валюты Константины был нанесен в 1832 году, когда французы окончательно захватили главный порт и центр внешней торговли провинции — г. Бон. Деньги теряли ценность и во время попыток французов захватить г. Константину. Но эффективность денежной системы Ахмед-бея была доказана тем, что данная валюта пережила падение режима паши в 1837 году и надолго сохранилась на местном рынке. Реформы в Константине дали импульс к развитию торговли между столицей бейлика, Тунисом и Сахарой. По некоторым оценкам, в период правления Ахмеда-бея объем торговли достигал 5 млн франков в год [Roughton, 1985, p. 368].

Хотя атрибуты независимости Константины указывали на ее арабский характер, но в основе Ахмед-бей сохранил турецкую концепцию государства. Законная власть, как и прежде, опиралась на санкцию турецкого султана — духовного и политического лидера Османской империи. Эти убеждения имеют первостепенное значение для понимания зависимости и привязанности Ахмед-бея к Высокой Порте, а также его полного отказа в дальнейшем предпринять какие-либо шаги без санкции султана. Паша неукоснительно следовал предписаниям ислама, обязывавшим подчиняться высшему религиозному авторитету — халифу мусульман, султану Махмуду II. Так, паша писал: «Я управлял своими делами и управлял страной, вверенной мне представителями Высокой Порты, никогда не нарушая приказов султана» [Emerit, 1949, p. 76].

Ахмед-бей был последовательным сторонником и турецкой системы управления в отношении арабского населения, традиционно использовавшейся в османском Алжире. Искусство управления турецкой администрации сводилось к проверенным рецептам: разделять, чтобы править; полагаться на привилегированные племена, руками которых воевать с непокорным населением. Вот что бей писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Государство не должно успокаивать того, кто хочет господствовать над арабами, ибо может случиться такое обстоятельство, когда эти люди все едины, как братья, окажутся организованными для восстания. И наоборот, если среди них существует война или раздоры, те, кто хочет ими править, всегда уверены, что у них есть сторонники. К тому же вступившие в войну племена разоряют страну и облегчают господство всем, чья власть осуществляется издалека и не имеет непрестанно большого количества войск или гарнизонов в укрепленных местах для исполнения своих приказов» [McDougall, 2017, p. 46].

Османский характер и глубокая связь Ахмед-бея с Высокой Портой в полной мере проявились в последующих событиях вокруг бейлика. С самого начала тактикой сопротивления французам для Ахмед-бея стала декларация приверженности Османской империи. Так, на письмо генерала Б. Клозеля, содержащее предложение «заплатить Франции такую же дань, которую я платил дею, одним словом, подчиниться», Ахмед-бей ответил: «Константина зависела от алжирского дея и должна была ему подчиниться, но Алжир, в свою очередь, зависит от султана Константинополя. Для того чтобы принять предложенное мне соглашение, необходимо предварительно получить его согласие. Единственный ответ, который я должен дать французам, что мы проконсультируемся с султаном Махмудом, о возвышенной воле которого мы поспешим сообщить генералу» [Emerit, 1949, p. 77]. Как признается сам Ахмед бей, такой ответ нужен был только для

того, чтобы «затянуть переговоры и не навлечь резким отказом на страну новые бедствия» [Ibid.].

5. Реакция Османской империи на оккупацию Алжира

Отношение Османской империи к событиям в Северной Африке определялось серьезными внутренними и внешними вызовами, стоявшими перед Высокой Портой. Многочисленные восстания на периферии, самыми опасными из которых для будущего империи были греческая война за освобождение (1821—1829) и восстание Мухаммеда Али в Египте с 1831 года, не позволяли османским правителям вплотную заняться ситуацией в Алжире. Три великие державы — Франция, Великобритания и Россия — вели между собой тонкую и противоречивую дипломатическую игру. Решая судьбу агонизирующей империи, они в 1827 году нанесли сокрушительное морское поражение объединенному флоту османов в Наварине. В 1830 году Османская империя еще не успела оправиться от поражения, нанесенного ей Российской империей в войне 1828—1829 годов. Все эти события свидетельствуют о том, насколько трагично было положение Османской империи и сложны были новые обязанности османских правителей по поддержанию и сохранению единства и модернизации своего государства; именно в этой сложной ситуации возникает алжирский вопрос. Так как конфликт между Францией и деєм Алжира длился около четырех лет, Высокая Порта рассчитывала перевести его в дипломатическое русло и неоднократно, но безуспешно направляла посланников для урегулирования спора.

После взятия Алжира французской армией все скромные политические попытки Высокой Порты, направленные сначала на то, чтобы предотвратить захват города, а затем вернуть его, не имели никаких результатов, так как Османская империя не имела ни военных, ни дипломатических средств, чтобы отстаивать свое право перед Францией. Единственная мера, к которой прибегла Порта, — направление французскому правительству протестов, в которых напоминала, что Алжир — неотъемлемая часть Османской империи. Французы, решив сохранить за собой Алжир, действовали таким образом, чтобы парализовать любые османские политические акции перед другими великими державами.

В 1832—1833 годах алжирский вопрос был еще более вытеснен из османской повестки дня событиями, связанными с наступлением на Константинополь армии мятежного Мухаммеда Али. Только после подписания в марте 1833 года договора с Египтом Высокая Порта вновь занялась нерешенным вопросом о французской оккупации Алжира. Ахмед-паша сам лично неоднократно писал султану, напоминая о плачевной судьбе Алжира. 15 сентября 1833 года послание Махмуду II направила община

Константины, в котором просила султана назначить новым пашой регентства Ахмед-бей: «Французы разогнали ваших янычар в провинции, там не осталось оружия, военной техники, ваш народ больше не существует, не оставляйте нас. Жители Алжира, горожане, племена и шейхи просят Вас прислать им саблю, кафтан и титул Паши и назначить его для управления страной. За короткое время и с божьей помощью мы могли бы отвоевать Алжир» [Emerit, 1949, p. 82]. Ахмед-бей, со своей стороны, сопроводил эту просьбу личным письмом, в котором подтвердил свою преданность султану, подчеркнул большое значение и ответственность, возложенную на него общиной Константины, и заявил о своей решимости изгнать неверных из страны, чтобы вернуть Алжир в качестве провинции Османской империи. Осуществление такой задачи и ее легитимация в глазах алжирцев требовали одобрения и согласия султана Махмуда II. «Я, — писал Ахмед-бей султану, — решил вернуть Алжир и нуждаюсь только в Боге и Вашей высокой воле <...> Я беру на себя ответственность за максимально возможное соблюдение божественных правил и навязываю населению только то, что было законно предписано Богом, его пророком и его преемниками халифами <...> я не откажусь ни вызвать затруднения у французов, ни вторгнуться на еще неоккупированную алжирскую территорию... » [Emerit, 1949, p. 83].

Реакция Константинополя на эту инициативу Ахмед-бея оказалась уклончивой. Султан не хотел давать титул паши провинции Алжир Ахмад-бею, ведь это означало бы что «провинция Алжир» теперь равна бейлику Константины и что Высокая Порты отказывается от прав на другие бейлики, находящиеся в настоящее время в руках французской армии. Великий везир Османской империи Равуф-паша ответил Ахмед-бею следующее: «Ваше поведение по отношению к французам и ваш ответ на их предложения, по моему, полностью соответствуют справедливости. Это единственный путь, который может способствовать благу религии и мусульман. Без сомнения, я хотел бы оказать вам помощь: в данный момент я нахожусь в мире со всеми христианскими державами и не могу расстроить его без самой серьезной причины. Продолжайте уклончиво отвечать, если к вам придут новые предложения. Отвечайте французам, что вы подданные Константинополя и можете иметь дело с ними только через меня. Прежде всего я рекомендую вам держать меня в курсе всех предложений, которые вам будут сделаны. Соблюдайте повиновение, которое мне причитается. Заключите мир, только если я прикажу. Не волнуйтесь. Я позабочусь о вас» [Emerit, 1949, p. 84].

6. Ахмед-бей в поисках союзников: позиция Великобритании

Хотя директивы Высокой Порты и соответствовали образу действий, выбранному Ахмед-беем, но он надеялся на более реальную поддержку.

Разочарованные ответом османского правительства, на которое они возлагали такие надежды, власти Константины вынуждены были начать поиски других союзников на международной арене. Очевидным антагонистом Франции и страной не менее могущественной была Великобритания. Ее консул в Алжире Роберт Сент-Джон принимал энергичное и заинтересованное участие во всех событиях вокруг оккупации Алжира. 4 июля 1830 года, когда алжирская делегация вынуждена была отправиться на руины алжирской Касбы обсуждать с генералом Бурмоном условия капитуляции регентства, в ее составе был и Сент-Джон. Имея возможность свободно общаться в качестве дипломатического представителя как с французскими оккупационными властями, так и с представителями различных групп алжирских элит, английский консул оказывал большое влияние на происходящее в провинции. Именно он внушал надежду алжирцам на скорое окончание оккупации и предстоящий отвод французских войск из Северной Африки. По мысли Сент-Джона, возможны были несколько сценариев развития событий в Алжире: французы могли сохранить его как колонию; оставить только военную базу на побережье; уйти из страны, но назначить правителя из местных жителей и заставить выплачивать дань Франции; вернуть провинцию Османской империи на условиях назначения наместника из Константинополя [McDougall, 2017, p. 37].

В беседах и дипломатической переписке он резко критиковал французскую политику по отношению к местному населению: «В течение пяти лет оккупации правление различных губернаторов, назначаемых в Алжир, совершенно настроило туземцев против французов и показало их полнейшее игнорирование процессов колонизации. Я уверен, что ничего, кроме системы тотального истребления, не даст французам возможности продвинуться дальше занимаемых ими сейчас опорных пунктов» [Dagry, 1904, p. 143]. Об Ахмед-бее Сент-Джон всегда высказывался с большим оптимизмом, ратывая похвалы его управленческому таланту, администрации, сильной армии: «Бей Константины уверенно правит всем регентством за исключением Бона, Бужи, Алжира и Орана» [Dagry, 1904, p. 144]. Другие английские дипломаты в регионе также поддерживали тесные связи с властями Константины. Так, английский вице-консул в тунисской Бизерте «предлагал ему (Ахмед-бею) любое оружие и амуницию, которые могли потребоваться, а также снабжал его нужной информацией» [Dagry, 1904, p. 145]. Многие сановники из окружения Ахмед-бея считали, что именно Великобритания может заставить Францию отказаться от Алжира.

Тем временем французская военная администрация, видя, что Ахмед-бей отказывается от подчинения и диалога, не платит никаких налогов, с целью наказать «мятежника» решила отдать бейлик Константины в управле-

ние бею соседнего Туниса. Диван Константины решительно отверг проект зависимости бейлика от тунисского Бея: «То, что вы нам предлагаете, нас никоим образом не устраивает. Мы довольны администрацией Ахмед-бея и не хотим менять правителя. Разве вы не так же, как мы, зависимы от Халифа в Константинополе? В каком качестве вы пришли требовать нашего подчинения? Только султан Махмуд может решить вопрос о разделе своих владений...» [Emerit, 1949, p. 94]. Хотя данный план, инициатором которого был генерал Клозель, носил поверхностный характер и не был одобрен в Париже, но угроза оказаться между двух огней — Францией и Тунисом — заставила Ахмед-бея еще активнее искать внешней поддержки.

Поэтому после того, как осенью 1833 года Высокая Порта фактически отказалась поддержать планы Ахмед-бея, он обратился ко всей знати Константины — вождям племен, каидам, шейхам, горожанам — с предложением одобрить отправку петиции в британский парламент в январе 1834 года. Эта петиция представляет собой впечатляющий манускрипт: длиной в три метра и шириной в 24 см, она содержит 2307 подписей, а также 52 печати шейхов и кайдов племен. Арабский текст начинается с перечисления нарушений, совершенных французами в ходе оккупации: захват имущества хабусов, массовые убийства, осквернение мечетей и кладбищ. Далее следует обращение за помощью к Великобритании, чтобы остановить «кровопролитие и попрание законов в нашей стране. Мы взываем к вам о помощи <...> Бог дал вам задачу поддерживать порядок и направлять человека...» Авторы петиции поясняют, что «слышали, что английский парламент заботится о соблюдении закона наций и интересов человечества, а также о поддержании братства человечества». И далее: «Мы знаем об искренности англичан ко всем, кто сам искренен, и об их доброй вере в отношении договоров и о том, что они не нарушают законов человечества и прав народов, и поэтому мы предлагаем вам наше прошение, чтобы вы могли судить о разнице между нами и этими неверными, вероломными (французами), изгоните их из нашей среды, ибо они не имеют никаких прав в нашей стране». Петиция содержала упоминание и о планах французов передать бейлик в управление Тунису. Алжирцы с возмущением восклицали: «Мы свободны! Как они (французы) позволяют себе продавать нас губернатору Туниса?» [McDougall, 2017, p. 41].

Петиция была передана сэру Томасу Риду, английскому консулу в Тунисе, который официально направил ее в МИД Великобритании. Но надежды народа Константины опять были тщетны: международная конъюнктура на этот момент складывалась так, что Великобритания не была склонна вступать в спор с Францией из-за Алжира. Ее больше волновали события в Египте, стратегическом пункте Ближнего Востока, контролирующем путь

в британскую колонию Индию. Колониальный департамент МИД Великобритании проигнорировал алжирскую петицию и посоветовал своему консулу в регионе сэру Томасу Риду не совершать по этому поводу никаких безрассудств и проявлять величайшую осмотрительность в своих отношениях с алжирскими вождями, чтобы избежать возникновения спора и не нанести ущерб ни Великобритании, ни Франции [Marchand, 1913, p. 268].

По молчанию правительства Великобритании, последовавшему после отправки петиции, Ахмед-бей и народ Константины, поняли, что их задача теперь будет более сложной и что они должны полагаться только на себя, чтобы защитить бейлик Константины. На новые попытки французов заставить его признать верховенство Франции Ахмед-бей отвечал: «Я зависим от османского правительства и имею под своей властью более миллиона мусульман, которые не согласились покориться французским христианам. Заставить их подчиниться вашей власти невозможно, поскольку Бог создал нас свободными <...> подписание мирного договора имеет вполне определенный объем и смысл; но подчинение власти христианина имеет другой объем и смысл <...> мы говорим вам, что свобода — это главное, перемирие с согласием предпочтительнее, но силой подчинить нас невозможно...». Из-за провала любых попыток договориться французские оккупационные власти склонялись к варианту провести силовую операцию против Константины: «Следует всерьез задуматься о изгнании этого человека (Ахмед-бея) из Константины, если мы хотим добиться некоторого прогресса во французском владычестве в регентстве...» [Emerit, 1949, p. 97]

7. Два штурма Константины французской армией: 1836, 1837 годы

Первая французская военная экспедиция против Константины началась в ноябре 1836 года. Ахмед-бей, знавший о качественном и количественном превосходстве вражеского оружия, решил, как хороший стратег, продумать тактику заранее. Его план состоял в следующем: оборона столицы была поручена генералу Бен Каиссе, сам Ахмед-бей во главе кавалеристского отряда расположился лагерем на пути в Константино, наблюдая за маршем французской армии. Когда основные силы врага миновали этот пункт, Ахмед-бей ударил в арьергард французов, где находился обоз с запасами оружия и провианта, при этом было убито много противников и захвачена часть экипажей. «То, что смогло присоединиться к большому войску, дошло до него только в разгроме и в величайшем беспорядке» [Wagner, 1938, p. 106]. Когда, наконец, экспедиционная армия расположилась лагерем перед Константиной, фельдмаршал Клозель «искал глазами депутацию, которая должна была принести ему ключи от города, когда внезапный огонь батареи разрушил его иллюзии и вернул его на землю» [Lauri, 2004, p. 132].

Французы потерпели полное поражение и вынуждены были срочно ретироваться из бейлика. Что касается Ахмед-бея, то он уже знал, что, несмотря на его успех и, скорее, благодаря этому успеху, Франция не оставит его в покое. Неудача экспедиции в Константину имела большой резонанс во Франции, где пресса выступала против маршала Клаузеля и его опрометчивых планов в бывшем алжирском регентстве. Французское правительство назначило генерал-губернатором Алжира генерала Дамремона, который сосредоточил все свое внимание на проблеме Константины. Перед тем, как предпринять последний военный штурм, Дамремон, как и его предшественники, сделал попытку договориться с Ахмед-беем. По условиям соглашения, Константина должна была признать суверенитет Франции, а французский флаг развиваться на крепости столицы два раза в год; Ахмед-бей должен был выплачивать дань в 2 млн франков; принять французский гарнизон в Константине; взамен ему было обещано звание паши и оставлено управление бывшим бейликом Константины.

Ахмед-бей обсуждал условия соглашения, собрав вместе диван бейлика, улемов, шейхов и вождей племен, и вместе они решили отказаться. Вот как Ахмед-бей объяснял это решение в письме султану: «Я подпишу только с вашего согласия и приказа; мы достаточно сражались с неверными, мы с местными жителями израсходовали все, чем располагали, на нужды солдат и прочее; мы в полном бедствии, приходите к нам на помощь вашими советами и отправкой боеприпасов» [Emerit, 1949, p. 114]. Но помощь от Константинополя не придет: никакой положительной реакции не было зафиксировано в этот сложный и решительный период, несмотря на многочисленные письма и просьбы. Высокая Порта не поняла или, скорее, сделала вид, что не понимает отчаянного положения бейлика Константины.

Штурм Константины французскими войсками, состоявшийся в октябре 1837 года, происходил под личным руководством генерала Дамремона, он привлек к нему все французские войска из гг. Алжира и Орана. «Несмотря на наше ожесточенное сопротивление, — вспоминал Ахмед-бей, — часть стены города была разрушена бомбардировкой, которая прекратилась только на восьмой день, и большинство из нас пало мучениками или было ранено» [Emerit, 1949, p. 115]. Ожесточенный бой продолжился на улицах Константины. После падения города Ахмед-бей с группой сторонников скрылся на юге Алжира и еще в течение одиннадцати лет сражался с французами.

8. Заключение

Таким образом, захват бейлика Константины положил конец первому этапу сопротивления алжирцев французскому колониализму и окончатель-

но разорвал связи между Алжиром и Османской империей. Ахмед-бей, опиравшийся в сопротивлении европейской экспансии на верность метрополии и турецкие принципы управления, потерпел поражение, будучи лишенным поддержки сюзерена. Не удалось ему заручиться и помощью Великобритании, которая хотя и противилась французскому экспансионизму, но не считала Алжир столь уж важным, чтобы вступить из-за него в конфликт с Францией. Захват Константины оказал в самой Франции даже большее влияние, чем захват Алжира: он позволил французским лидерам изменить свою концепцию колонизации Алжира, которая до этого предусматривала только оккупацию побережья и опорных пунктов. Противостояние с Ахмед-беем показало, что только полная колонизация Алжира сделает Францию полноправной владелицей африканской колонии.

Источники

1. *Darcy J.* France et Angleterre. Cent Annees de rivalite colonial / J. Darcy. — Paris, Perrin, 1904. — 481 p.
2. *Emerit M.* Les mémoires d'Ahmed dernier bey de Constantine / M. Emerit // *Revue Africaine.* — Vol. 93. — Constantine; Paris, 1949 — P. 65—125.
3. *Marchand E.* l'Europe et la conquete d'Alger / E. Marchand. — Paris, Librairie académique Perrin et Co, 1913. — 339 p.
4. *Mercier E.* Histoire de l'Afrique septentrionale (Berbérie) depuis les temps les plus reculés jusqu'à la conquête français (1830) / E. Mercier. — Paris, Leroux, 1891. — Т. 3. — 540 p.
5. *Vayssettes E.* L'histoire de Constantine sous la domination turque / E. Vayssettes // *Recueil des notices et mémoires de la société archéologique de la province de Constantine.* Vol. XIII. — Constantine, Alger, 1869. — P. 453—621.
6. *Wagner M.* Lettres sur l'expédition de Constantine / M. Wagner. — Constantine, Alger, 1838. — 169 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Видясова М. Ф.* Алжир у трех дорог / М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. — Москва : Садра. — 2019. — 224 с. — ISBN: 978-5-907041-29-5.
2. *Дьяков Н. Н.* Магриб, Машрик, Россия : материалы по историографии и истории арабских стран / Н. Н. Дьяков. — Санкт-Петербург : СПбГУ. — 2014. — 559 с. — ISBN: 978-5-4391-0108-5.
3. *Ланда П. Г.* История арабских стран / П. Г. Ланда. — Москва : ИВ РАН, 2017. — 440 с. — ISBN: 978-5-98196-022-2.
4. *Alleg H.* La guerre d'Alger / H. Alleg. — Paris : Temps Actuels, 1981. — 607 с.
5. *Laffont P.* Histoire de la France en Algerie / P. Laffont. — Paris : Plon, 1980. — 574 p.
6. *Lauri G. B.* The French conquest of Algeria / G. B. Lauri. — London, 2004. — 215 p.
7. *McDougall J. A.* A World no longer shared. Losing the Droit de cite in Nineteenth-Century Algiers / J. McDougall // *Journal of the economic and social history of the Orient.* — 2017. — № 60. — P. 18—49. — DOI: 10.1163/15685209-12341418.
8. *Roughton R. A.* Economic motives and French imperialism: the 1837 Tafna Treaty as a case study / R. A. Roughton // *The Historian.* — 1985. — Vol. 47, № 3 (May). — P. 360—381.

9. *Sessions J. E. By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria / J. E. Sessions.* — London : Cornell University Press. — 2011. — 365 p. — ISBN: 978-0-8014-4975-8.

MATERIAL RESOURCES

- Darcy, J. (1904). *France et Angleterre. Cent Annees de rivalite colonial*. Paris: Perrin. 481 p. (In French).
- Emerit, M. (1949). Les mémoires d'Ahmed dernier bey de Constantine. In: *Revue Africaine*. Constantine; Paris. 93. 65—125. (In French).
- Marchand, E. (1913). *L'Europe et la conquete d'Alger*. Paris, Librairie académique Perrin et Co. 339 p. (In French).
- Mercier, E. (1891). *Histoire de l'Afrique septentrionale (Berbérie) depuis les temps les plus reculés jusqu'a la conquête français (1830)*. Paris: Leroux. 3. 540 p. (In French).
- Vayssettes, E. (1869). L'histoire de Constantine sous la domination turque. In: *Recueil des notices et mémoires de la société archéologique de la province de Constantine*. Constantine, Alger. XIII. 453—621. (In French).
- Wagner, M. (1838). *Lettres sur l'expédition de Constantine*. Constantine, Alger. 169 p. (In French).

REFERENCES

- Alleg, H. (1981). *La guerre d'Alger*. Paris: Temps Actuels. 607 p. (In French).
- Dyakov, N. N. (2014). *Maghreb, Mashrik, Russia: materials on the Historiography and History of the Arab Countries*. Sankt-Peterburg: SPbGU. 559 p. ISBN: 978-5-4391-0108-5. (In Russ.).
- Laffont, P. (1980). *Histoire de la France en Algerie*. Paris, Plon. 574 p. (In French).
- Landa, R. G. (2017). *History of Arab countries*. Moscow: IV RAN. 440 p. ISBN: 978-5-98196-022-2. (In Russ.).
- Lauri, G. B. (2004). *The French conquest of Algeria*. London. 215 p.
- McDougall, J. (2017). A World no longer shared. Losing the Droit de Cite in Nineteenth-Century Algiers. *Journal of the economic and social history of the Orient*, 60: 18—49. DOI: 10.1163/15685209-12341418.
- Roughton, R. A. (1985). Economic Motives and French Imperialism: The 1837 Tafna Treaty as a Case Study. *The Historian*, 47—3 (May): 360—381.
- Sessions, J. E. (2011). *By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria*. London: Cornell University Press. 365 p. ISBN: 978-0-8014-4975-8.
- Vidyasova, M. F., Orlov, V. V. (2019). *Algeria on three roads*. Moscow: Sadra. 224 p. ISBN: 978-5-907041-29-5. (In Russ.).